

ЕФРЕМЫЧЕВА Л. А.

МОТИВЫ МОЛВЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается отражение темы молвы в эпистолярном наследии Н. В. Гоголя. Изучаются мотивные пересечения по этой теме между текстами писем и повестями.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, Гоголь, молва, репутация, слава.

EFREMYCHEVA L. A.

MOTIVES OF RUMOUR IN N. V. GOGOL'S EPISTOLARY HERITAGE

Abstract. The article deals with the theme of rumour in terms of its reflection in the epistolary heritage of N. V. Gogol. In this connection the links between the author's letters and stories are studied.

Keywords: epistolary heritage, Gogol, rumour, reputation, fame.

Н. В. Гоголь повсеместно сталкивался с проявлениями вездесущей молвы, которая попеременно выступала в роли источника информации, желанного средства от скуки, назойливого раздражителя. Она и преследовала писателя, разнося мнения о его творчестве, и становилась плодом его мистификаций, и превращалась для него в развлечение. Занимаясь изучением мотивов молвы в повестях писателя, мы считаем необходимым обратиться к эпистолярному наследию Н. В. Гоголя. Это поможет нам уточнить реакции писателя на рассказы, выявить смысловой диапазон толков в понимании автора и найти мотивные пересечения по интересующей нас теме в текстах писем и самих произведениях.

Житейский опыт, к которому апеллируют адресат и адресант в личной переписке и который они задействуют для поддержания беседы, может стать для исследователя источником дополнительных открытий, противоречий или доказательств, подтверждающих предположения. Мы рассмотрели эпистолярное наследие писателя периода 1825 – 1841 годов, то есть того временного промежутка, в которое и создавались его повести.

Свидетельства тому, что о Н. В. Гоголе и его произведениях не смолкала молва, мы находим в богатой истории критических и литературоведческих работ. «Гоголь без всякого самообожания мог знать, что каждая подробность о его жизни полна интереса для общества, что каждое слово, сказанное им о ком-нибудь или о чем-нибудь, непременно подхватится, разнесется и может получить такое значение, которого он давать ему и не думал» [1, с. 425], – пишет современник Гоголя, актёр и драматург А. П. Толченков.

Надо сказать, что писатель регулярно узнавал новости у своих адресатов, да и сам был не прочь передать полученные сведения друзьям по переписке. «Не слышал ли чего-нибудь о

ком-нибудь или о чём-нибудь», – такая семантическая формула оказывается одной из частотных для эпистолярия Н. В. Гоголя. Жадный до новостей и подробностей, он с трепетом относится к самой возможности узнавать известия, скучает, не получая новостей от друзей и родственников, и обязательно журит их за долгое молчание. Письма – один из способов проверить услышанное, разузнать детали происшествий, проведать об интересующих событиях или людях, понять, что занимает знакомых, и сохранить связь с Россией, пока Гоголь находится за границей.

В торопливое перечисление просьб, череду расспросов, рассказов о происходящем писатель нередко добавляет какую-нибудь затейливую житейскую историю. Сама действительность, порождающая толки, побуждает к тому, чтобы реагировать на доносящиеся слухи. «Отчего же изредка не быть творителями пустяков, когда ими пестрится жизнь наша», – убеждён писатель [2, с. 64]. Внешний новостной импульс нужен Гоголю, чтобы внести разнообразие в привычный ход жизни, поэтому отсутствие известий воспринимается им как индикатор однообразия: «никакая новость и внезапность не потревожила мирной и однообразной моей жизни» [2, с. 141]. Говоря о своей манере письма, автор признавался, что обилие работы и дел благотворно на него влияет, способствуя занятиям творчеством. «<...> Ему нужна была суета, чтобы разговаривать с человеком» [3, с. 30], – комментирует В. Е. Багно, тем самым подтверждая, что живость, динамика смены настроений или событий, неравновесное начало, суматошность будут во многом определять поведение Гоголя, как, впрочем, и его персонажей.

Одним из важнейших аспектов в отношении молвы для писателя становится вопрос доверия к рассказам. Гоголь не раз остерегает адресатов от слепой веры в чужие слова и сам подвергает сомнению услышанное. В письме двоюродному дяде П. П. Косяровскому, он будет рассуждать про весть о войне, которая не только «рыскает» [2, с. 113] по Полтаве, но уже просочилась в Нежин: «по пословице Романа Ивановича: не всякому слуху верь, я стою над нею в раздумьи, верить или не верить» [2, с. 113]. Такое умышленное проговаривание не до конца ясного известия не столько показывает отношение к нему сомневающегося Гоголя, сколько провоцирует на получение подробностей и новых известий, то есть опровержение или подтверждение самого повода. Неполная, непроверенная информация не раз озадачит писателя, подталкивая его к расспросам (в качестве примера можно привести и слухи о женитьбе Жуковского, и многочисленные вести об имущественных делах, и толки о приезде в Рим будущего царя Александра II).

Другой показательный для нас случай, заставивший Гоголя рассуждать об истинности гуляющих вестей, находим в его письме матери, в котором адресанту приходится отрицать авторство приписываемых его перу сочинений: «Пожалуйста, не приписывайте мне чужих

сочинений. Неужели вас не научили беспрестанные ошибки в предположениях?» [2, с. 314]. И сразу после указания на шаткость всезнающей молвы, Гоголь выказывает свой страх относительно распространения подобных нелепиц, а следом идёт привычная лукавая оговорка и снижение важности самого слуха: «Впрочем, это такие пустяки, о которых нечего говорить, и мне это ни мало не обидно» [2, с. 314]. В своих повестях Н. В. Гоголь регулярно будет использовать подобные переходы от умножения смыслов молвы через обилие версий и интерпретаций к их низведению или простодушному непризнанию.

Интонации сомнения и недоверия («точно ли притом вы уверены, что люди действительно добры? Ведь им самим верить нельзя. Этот народ лукав» [2, с. 250]) в гоголевских письмах могут принимать формы наставнического поучения и настоятельного предостережения («Будьте спокойны <...> и не слушайте никаких глупостей, разносимых ничтожными людьми. Прежде нежели вы решитесь верить человеку, рассмотрите наперед его внимательнее, достоин ли он того, чтобы верить ему» [2, с. 187]). Мышление «наперед» определяет осмотренность Гоголя в том, чтобы не давать повод для пересудов (это касается прежде всего семейных и имущественных дел). Опасаясь злых толков, он беспокоится о матери: о возможной прибыли от фабрики знает «вся уже округа» [2, с. 303]. Именно через ситуацию слухотворчества раскрывается собирательный образ соседей. Гоголь указывает на возможные последствия разошедшегося известия: «Это, несмотря на всё доброжелательство видимое, всегда возбуждает зависть; а зависть нечувствительно ведет за собою ненависть, и вы вдруг приобретете себе недоброжелателей» [2, с. 304]. Недоверчивое отношение к окружению обобщено до риторического вопроса о всем человечестве: «Но кто знает людей? Как многие из них долго могут носить личину и казаться совершенно не тем, чем они есть на самом деле» [2, с. 303]. Такое наложение двух планов: частного и общего, характерно для гоголевской поэтики. В числе случаев, натолкнувших рассказчика в повестях на переход к лирическому отступлению, встречаются и те, что связаны с мотивами молвы: например, свадебный шум «Сорочинской ярмарки» наводит размышления о скуке, а беседы на Невском проспекте оборачиваются новым миражом и ведутся совсем не на темы, о которых мог бы подумать читатель.

При этом самому Н. В. Гоголю верить можно было далеко не всегда. Например, в письме публицисту, издателю М. П. Погодину от 23 марта 1835 года адресант просит дать в «Московские ведомости» объявление о сборнике «Арабески». Зная убеждающую силу печатного слова на читателей, Гоголь пытается искусственно привлечь внимание к своим произведениям: «Сделай милость, в таких словах: что теперь, дискать, только и говорят везде, что об Арабесках, что сия книга возбудила всеобщее любопытство, что расход на нее страшный (NB/ до сих пор ни гроша барыша не получено) и тому подобное» [2, с. 358], –

рассчитывать на набор хвалебных клише будет не только писатель, но и его герой Чартков, чья репутация модного живописца строится как раз на удачном газетном объявлении.

Чувствуя силу авторитетного мнения и принимая в расчет манипулятивный характер озвученной оценки, Гоголь признается в письме матери от 12 апреля 1835 года: «Чтобы придать более весу словам моим говорил, что советовался с опытными мастерами, между тем как это было просто мое мнение» [2, с. 360]. Этот речевой «приём» ссылки на авторитетное стороннее лицо или безусловное большинство воплотится в частности в эпизодах «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: выдавая нужную характеристику за известную «всему свету» герои пытаются возвести сказанное в разряд речевого абсолюта, аксиомы, не требующей доказательств (Городничий об Иване Ивановиче: «Это всему свету известно, что вы человек ученый, знаете науки и прочие разные предметы» [4, с. 259], из жалобы Ивана Ивановича: «Известный всему свету своими богопротивными <...> поступками дворянин Иван Никифоров <...> учинил мне смертельную обиду» [4, с. 248]).

Передавая сюжеты толков, писатель во многих случаях указывал на их **источник**. Встречаются отсылки как к расплывчатому множеству субъектов и нулевым личным субъектам («бывшие с ним [Г. И. Шостаком] в коротких связях говорят» [2, с. 190], «со всех сторон доходят слухи и страшают о неурожае» [2, с. 308], «мне наговорили, что детская история Полевого хорошее сочинение» [5, с. 32], «здесь пронесли слухи» [5, с. 33], «а между тем я слышу беспрестанно даже сюда в Италию пробирающиеся слухи о чудесах, производимых посредством лечения холодною водою в Грэфенберге» [5, с. 219]), так и к конкретным лицам («слышу, что в ней есть много хорошего; по крайней мере мне так говорил Жуковский» [2, с. 291], «скажу тебе, что Красенькой заходилась не на шутку жениться на какой-то актрисе с необыкновенным, говорит, талантом, лучше Брянского – я ее, впрочем, не видел» [2, с. 252]).

Отдельное место в ряду распространителей молвы занимают гоголевские «все», «всё», или «некоторые, заслуживающие особого уважения». Отсылки к этим характерным для процесса слухообразования субъектам не только станут отличительной чертой поэтики писателя, но и помогут уверенно высказываться в частных обсуждениях, отстаивая своё мнение. Нежелание отправлять матери «Библиотеку для чтения», Гоголь объяснит однозначным «приговором» читателей, которым стоит доверять: «Все порядочные люди и великие писатели от него отказываются; в высшем кругу его никто не читает» [2, с. 331].

Гоголевское восприятие своего окружения то гиперболически расширяется до «всех» (вспомним, к примеру, реакцию Гоголя на первую постановку комедии «Ревизор» в апреле 1836 года: «Все против меня» [5, с. 38] – или характеристику «Старосветских помещиков» и «Тараса Бульбы», которые, по мнению автора, «нравились совершенно всем вкусам и всем

различным темпераментам» [5, с. 98]), то принимает форму литотного сокращения до «нескольких» порядочных людей, имеющих право на оценку. Символом авторитетного мнения становится, в частности, фигура Пушкина, чье суждение способно перевесить остальные голоса: «Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его [Пушкина] вечное и непреложное слово» [5, с. 91], – так писатель отзовется на смерть Пушкина в письме Погодину. Гоголевские трансформации пространства общения лежат в границах между властной всеведущей массовостью и авторитетным узким кругом. Важной для писателя становится не столько количественная характеристика субъектов рассказней, сколько качественная – кто именно определяет содержание толков.

Мучительные размышления о сути искусства, писательской славе, репутации творца преследовали Гоголя в России и за границей, во время его работы над произведениями и в перерывах между ними. Переживания о своём московском «скучном» поведении писатель доверит Е. В. Погодиной, подчеркивая, что «мнением людским, конечно, я не дорожу, но мнением друзей...» [5, с. 318]. Однако интересовали Гоголя, конечно, оценки не только знакомых, но широкого круга читателей, литераторов, критиков. Именно через приятелей по переписке автор получает «обратную связь» о своих произведениях. «Я обещал вам записывать разные толки о Чичикове» [6, с. 75], – напишет в письме С. Т. Аксаков и передаст всё, что успеет услышать. Поток слухов становится для Гоголя регулятором его писательского труда, источником интерактивности, помогающим собрать веер сторонних мнений.

Пылкость, с которой Гоголь рассуждает обо всем, что связано с процессом или результатами творчества, выделяет среди предметов молвы **толки о произведениях литературы и искусства**. Они, хоть и беспрестанно порождают пересуды, требуют, по мнению писателя, деликатности в суждениях. Ревностное отношение к молве вокруг результатов творческого процесса заставляет Гоголя неоднократно подчеркивать, как непросто понять авторский замысел и как мало людей могут со всей тонкостью подойти к оценкам произведений литературы и искусства: «Знаете ли, что в Петербурге, во всем Петербурге, может быть, только человек пять и есть, которые истинно и глубоко понимают искусство, а между тем в Петербурге есть множество истинно прекрасных, благородных, образованных людей» [2, с. 362], «Я не знаю, что за охота пришла нашим судить и рядить о литературе. Я знал много людей, которых почитали умными, хорошими хозяинами и даже сведущими во многом; но когда эти люди захотят непременно судить и сообщать другим свои суждения, то их без смеха нельзя слушать» [2, с. 331]. Гоголь с опаской и неодобрением отзывается о пустословии вокруг творчества: неудивительно, что и о ходе работы над своими произведениями он не любил распространяться.

Касаясь тем молвы, Гоголь отмечает **негативные коннотации**, которые присущи слухам. Летучее слово может быть символом легковесного и легковесного мнения, доставлять беспокойство своими обидными прибавлениями, способно расстраивать предмет обсуждений. В письмах Гоголя неоднократно встречается лексема «сплетни», которая зачастую становится знаком несправедливого, неприятного, досадного мнения. Реакция на них писателя однозначна: «все эти сплетни от таких людей мне столько же приносит неудовольствия, сколько может принести его неважное ни для кого происшествие» [2, с. 188], «не люблю расславлять худого про кого бы то ни было» [2, с. 188].

Однако сплетни о знакомых не раз встретятся в эпистолярной Гоголя. К примеру, в письме Репниной он расскажет анекдотичные случаи про некоего Базилевского, задающего о Риме нелепые вопросы [2, с. 194], Данилевскому выскажет слухи про Квитку [5, с. 199] и Краевского [5, с. 212], Жуковскому не преминет пожаловаться на «подлеца Лауница» [5, с. 201], который не прислал обратно бюст Василия Ивановича, в письме Балабиной в подробностях передаст историю влюбленности ее приятельниц Конти и роман «одного из фамилии Дориев» [5, с. 184].

В оценочных суждениях Гоголя можно выделить **смысловую оппозицию «слово – дело»**, отраженную также в ряде пословиц и поговорок. В эпистолярной, равно как и в творчестве писателя, эта дихотомия обрастает антитетическими свойствами «бесполезного и важного», «плохого и хорошего». «Толкуют о добродетели [люди], о Боге, и между тем не делают ничего» [2, с. 195], – пишет Гоголь матери из Петербурга 2 октября 1833 года. Позже он упрекнет в том же суесловии московских литераторов в письме Погодину: «вы все только на словах» [2, с. 353]. В повести «Тарас Бульба» автор покажет действенную силу боевого призыва и расславления, определяя с их помощью значение ратных подвигов. Категории «сказанного – сделанного» в данном случае гармонично соединятся благодаря включению в текст элементов воинской риторики. Связующим звеном между действием и словом выступит слава о героях, которая передается из поколения в поколения, создает миф о воинстве Сечи и в то же время вдохновляет на подвиги, настраивает на личные боевые успехи. Оппозиция вечной славы и сиюминутного признания станет одной из сюжетослагающих в повести «Портрет». Противопоставление признания, которого достоин истинный мастер, и искусственно раздутой репутации модного живописца окажется созвучным гоголевскому рассуждению из переписки с Н. Я. Прокоповичем: «Одна только слава по смерти <...> знакома душе неподдельного поэта. А современная слава не стоит копейки. Но ты должен узнать ее» [5, с. 85].

К теме репутации Гоголь будет возвращаться в письмах разных лет, выказывая как ее ожидание, так и безразличие к ней. Вот лишь несколько примеров: «лекции мои мало по малу

заставляют говорить обо мне» [2, с. 194], «поросья мое [первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки»] давно уже вышло в свет: оно успело уже заслужить славы дань, кривые толки, шум и брань» [2, с. 41]. Частотность разговоров о желанной репутации подчеркивает важность, которую обретала для писателя высокая оценка читателей, знакомых и критиков. Стремление получить одобрение «других»-«многих»-«всех» перейдет в простодушные признания: «Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы» [2, с. 181], «Лучше поступать так, чтобы нас все любили» [2, с. 168].

Резкий переход к **отрицанию многоголосой молвы** обнаружится в период премьеры «Ревизора» и последующего пребывания писателя за границей. В письме от 29 апреля 1836 года М. С. Щепкину пронзительно прозвучит гоголевское описание своего «равнодушия» к шуму вокруг постановки комедии: «Я не сержусь на толки, как ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупейшее мнение ими же опозоренного и оплеванного писателя действует на них же самих и их же водит за нос» [5, с. 45]. Рефренное, тройное отрицание своего расстройства относительно пересудов вокруг пьесы ещё сильнее подчеркивает разочарование писателя в поверхностной оценке «Ревизора», обидной, доносящейся со всех сторон молве. В любом случае равнодушием к чужому мнению гоголевские высказывания не назвать. «Уведоми меня о том, что говорят обо мне в Москве» [5, с. 60], – напишет он Погодину из Женевы в сентябре 1836 года, хотя уже через два месяца признается: «Никакие толки, ни добрая, ни худая молва не занимает меня. Я мертв для текущего» [5, с. 77]. Автор «Ревизора» хочет скрыться от молвы, перестав быть предметом пересудов, но не готов отказаться от потока вестей и «московских гадостей» [5, с. 92].

Доходящие слухи даже заставляют Гоголя объясняться перед приятелями по переписке: например, писателю М. Н. Загоскину он подробно объясняет мотивы своего ухода из театра при постановке пьесы, которое «отнесено было к какому-то пренебрежению московской публики, встретившей меня так радушно и произведшей бы <в> иное время благодарные ручьи слез» [5, с. 256]. Это письмо адресант просит показывать всем, кто мог воспринять отсутствие Гоголя как признак «бесчувственности и неблагодарности» [5, с. 256]. Другими словами, узнав о неблагоприятном слухе про себя, он всеми силами пытается оправдать свое поведение и попутными объяснениями вмешаться в циркуляцию разошедшихся летучих вестей. Диапазон столь разных реакций Гоголя (переход от признания значимости к рассеянному безразличию, затем – энергичному «вмешательству» и острому

неприятно) доказывают способность молвы воздействовать на эмоциональную сферу человека и провоцировать на незамедлительный отклик.

Для Гоголя новости обладают свойством «рыскать», «пестриться», «заноситься», вводить в заблуждение, раззадоривать. Эпистолярное наследие писателя раскрывает его непреходящее внимание к сюжетам молвы, прежде всего – толкам о своих знакомых и о себе самом.

Гоголь не нивелирует риски молвы, но обладает чутьем обойти или использовать их в свою пользу (к примеру, имитируя правду). Неравновесность информационных поводов вызывает ответную реакцию писателя, который то осмотрительно подвергает слухи сомнениям, то рьяно отстаивает истинную версию, то признается в готовности поверить даже в необычайное. Такие переходы можно рассматривать как особого рода «превращения» – категорию, которая характеризует и жизнь, и творчество писателя.

Гоголь обращался со своим словом мнимо-простодушно, зная цену молчанию и наблюдениям, которые занимали его во время многолюдных встреч, осознавая власть своего творчества и умея удерживать внимание читателей, писателей, критиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толченев А. П. Гоголь в Одессе: (1850 – 1851 г.): (Из воспоминаний провинциального актера) // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С. И. Машинского. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1952. – С. 416–427.

2. Гоголь Н. В. Письма, 1820–1835 // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т. 10. – М., 1940. – 540 с.

3. Багно В. Е. Пушкинско-гоголевский период русской литературы // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя, Москва – Санкт-Петербург, 5 – 10 октября 2009 года / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. – С.-Пб.: Петрополис, 2011. – С. 24–33.

4. Гоголь Н. В. Миргород // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 2. М., 1937. – 764 с.

5. Гоголь Н. В. Письма, 1836–1841 // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т. 11. – М., 1952. – 484 с.

6. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С. И. Машинского. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1952. – С. 87–208.